

Юрий Богачев

ЯЗЫКОВАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Социальные сдвиги нашего времени, связанные с изменениями в структуре общественно-политического строя, со сменой форм собственности и состава активных участников коммуникации, а также с постепенным изменением понимания нравственных ценностей, приводят к появлению новой языковой ментальности личности. Многое переменилось и в оценках, связанных с состоянием русского литературного языка.

«Речь – канал развития интеллекта»

Психолингвистический аспект владения культурой речи связан с понятием языковой личности. Овладение языком – его лексикой, грамматикой, стилистикой, произносительной сферой – создает внутренний образ мировоззрения людей и каждого человека.

Овладение русским языком создает предпосылки для структурирования мысли, развития интеллекта личности, усложнения когнитивной деятельности: «Речь – канал развития интеллекта» (Н.И. Жинкин).

В речи мы формируем мысль, обеспечивая переход на акустический или графический коды, включая, таким образом, главный критерий проверки качества мысли – ее понимание другими людьми.

Языковое оформление мысли способствует четкости самой мысли: формулируя ее, мы ее в то же время формируем. Стойкие, веками отшлифованные языковые структуры, накладываясь на аморфную мысль, дисциплинируют ее. Многие известные писатели, ученые (А. Пуанкаре, В. Глушков, Э. По) отмечали, что, пытаясь донести до читателя, слушателя свою мысль, они проясняли ее для самих себя, а иногда обнаруживали ошибки собственного мышления.

Понятие «языковая личность» восходит к психологическому аспекту определения индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности. Языковая личность может характеризоваться следующими признаками:

- а) полнотой владения родным языком, родной речью во всем ее разнообразии;
- б) личностными интересами, способностями и умениями в социальной жизни, в частности – профессиональными;

Языковое оформление мысли содействует четкости самой мысли

Понятие «языковая личность»

в) творческими данными, проявляемыми в деятельности.

Несомненно, что каждый человек обладает указанными свойствами (и другими, не названными здесь) в разной степени и в разных сочетаниях. Если он, в добавление к сказанному, обладает нравственно-волевыми качествами, богатыми знаниями, активностью и т.п., то о нем говорят: он – личность. Понятие «языковая личность» хорошо вписывается в образ носителя языковых знаний и умений современного речевого общения.

Лингвистическая подготовка необходима

Лингвистическая подготовка важна, прежде всего, для профессиональной деятельности психолога, актера, юриста, журналиста, писателя, лектора, ученого, переводчика и т.п. Только прочные и глубокие знания в области лингвистики (и прежде всего русского языкоznания) позволяют развить и воспитать образец, стандарт языковой ментальности личности. Знание русского литературного языка должно выступать в качестве универсальной – всесторонней и глубокой – характеристики личности.

Орфоэпические нормы

Современные орфоэпические нормы регулируют произношение звуков, их сочетаний, грамматических форм, имен и отчеств и т.п., а также содержат правила постановки ударения в различных частях речи.

Научный интерес к закономерности формирования механизма произнесения слов проявляли психологи и лингвисты (А.Н. Гвоздев, Н.И. Жинкин, И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, И.П. Павлов, И.М. Сеченов, А.Н. Соколов и др.).

Процесс совершенствования правильного произношения и ударения основывается на принципе полной согласованности речедвигательного и слухового анализаторов. Все механизмы речепроизводства зависят от слухового восприятия. Однако в процессе усвоения языка в самом двигательном анализаторе формируется особенно важная ступень контроля – это сигналы от множества мышц, участвующих в работе речевых органов, в корковой части двигательного анализатора, где и происходит их анализ и синтез, необходимый для точного артикулирования речи. Кроме того, в процессе совершенствования орфоэпических навыков большую роль играет долговременная память, в которой сохраняется активный словарь. Услышанное слово узнается, потому что оно отождествляется с ранее выученным словом, сохраненным в долговременной памяти.

Одним из главных условий совершенствования орфоэпических навыков является развитие речевого слуха

индивидуа. Степень развития речевого слуха и усвоение орфоэпии находятся в прямой зависимости: чем лучше развит речевой слух, тем быстрее воспринимаются, а следовательно, и усваиваются орфоэпические нормы русского литературного языка.

Культура устной речи в СМИ

Сказанное, безусловно, связано с орфоэпической подготовкой дикторов радио и телевидения, телеведущих и тележурналистов. Уровень культуры устной речи на телевидении в последнее время ощутимо снизился. Практически стерлась грань между произношением журналиста-профессионала и приглашенного в студию «человека со стороны». И тот и другой могут произнести «вáловый», «газопрóвод», «обеспечéние», «ворожéя», «знамéние», «вероисповедáние», «кровотóчит», «вечéря», «ходáйство» вместо правильных *валовóй, газопровóд, обеспéчение, ворожéя, знáмение, вероисповéдание, крово-точít, вéчеря, ходáйство*.

Система литературного и просторечного произношения

Известно, что система литературного произношения не всегда совпадает с системой разговорного или просторечного, а тем более диалектного произношения. Носитель языка, недостаточно освоивший систему литературных норм, в своем речетворчестве демонстрирует иную систему, что и вызывает нарушения норм орфоэпии, которые можно классифицировать следующим образом.

Во-первых, есть группа глаголов, которые по нормам орфоэпии произносятся с ударением на корневой гласной: **занять, начáть, прибыть, принять** и др. Место ударения не меняется у некоторых производных форм: **заня́вший, начáвший, прибы́вший, приня́вший**. Произношение неверное: **зáнявший, начáвший, прибы́вший, приня́вший**, к сожалению, весьма распространено. Объяснить появление этой ошибки несложно: говорящего подводит подвижность русского ударения. В формах мужского рода прошедшего времени ударение переносится на приставку, а по закону аналогии это ударение ошибочно переносится и на другие формы. То же можно сказать о формах прошедшего времени женского рода. Ударение должно быть на окончании, т.е. **занялá, началá, прибылá, принялá** и т.д. Между тем произношение **нáчала, сóздала, призвáла, прервáла** настолько широко распространено, что вызывает невольный протест.

Во-вторых, подлинным бедствием стало произношение сложных слов со второй частью – **провод** с ударением на первом **о**, между тем только слово **прóвод** произносят так, в остальных же случаях ударение должно быть на конечном звуке **о**: **бензопровóд, газопровóд, нефтепро-**

вóд, путепровóд, трубопровóд, не говоря уже о водопрóводе.

В-третьих, достаточно сложно взаимодействие традиционного и системного в словах на *-ированнý*. Такие слова, как *иллюстрóванный*, *кастрированный*, *шаржированный*, произносятся с ударением на *и*, в то же время большинство слов должно произноситься с ударением на *о*: *бронирóванный*, *запломбированный*, *костюмированный*, *экзальтированный*.

Из истории языка известно, скажем, что первоначально окончание *-а* в форме именительного падежа множественного числа существительных мужского рода было только у так называемых парных существительных типа *берег* – *берега*, *рукав* – *рукава*, поскольку свое происхождение это окончание ведет от формы именительного падежа двойственного числа, которым как раз и обозначались парные предметы. С утратой двойственного числа область употребления окончания *-а* все больше и больше расширялась. Этот процесс продолжается и сейчас, поэтому при нормативном *профессорá*, *докторá* мы встречаемся с вариантым произношением *слесарý* – *слéсари*, *токарý* – *тóкари*; грубо неправильными формами считаются *офицерá*, *средствá*. К сожалению, последняя форма также встречается в телевизионной речи, правда, чаще в рекламе и в выступлениях депутатов.

Иноязычные географические названия до сих пор вызывают затруднения в постановке ударения. И хотя отклонения единичны, обратить внимание на них все же следует: это *Гуантанáмо* (правильно: *Гуантáнамо*); *Тýва* (*Тувá*); *Дáвос* (*Давóс*). Есть ошибки и в отечественных названиях: *Прóтвино* (*Протвинó*).

Что касается личных имен, то больше всего «не погоняло» Патриарху Московскому и всея Руси Алéксию Второму. Его часто называют Алексием. Фамилия известной кинозвезды Греты Гарбó произносится с ударением на первом слоге, а не на последнем; шведский король на самом деле Гúстав, а не Густáв.

Кроме акцентологических погрешностей, можно назвать еще целый ряд нарушений лексико-грамматических норм.

Так, по-прежнему представляет определенные трудности для говорящих склонение числительных. Мы то и дело слышим: от двухста до четырехста, правильно – от двухсот до четырехсот; более восьмиста, правильно – более восьмисот; сорок одного, правильно – сорока одного; не превышает пять тысяч, правильно – пяти тысяч; из восемьсот семидесяти, правильно – из восьмисот

Другие нарушения лексико-грамматических норм

семидесяти; около пятиста тысяч, правильно – около пятисот тысяч; порядка девяноста миллионов, правильно – порядка девяносто миллионов.

Не соблюдается и правило сочетания собирательных числительных. Напомним: нельзя говорить «трое женщин», «двоे дочерей», так как собирательные числительные не сочетаются с существительными женского рода.

Нельзя не назвать другие погрешности, касающиеся, главным образом, словоупотребления. Неистребимой остается застарелая паронимическая ошибка, когда вместо глагола *надеть* употребляется глагол *одеть*.

Продолжают звучать и избыточные, плеонастические словосочетания типа: «памятные сувениры» (надо – либо сувенир, либо памятный подарок); «пятидесятилетняя годовщина» (либо пятидесятилетие, либо пятидесятия годовщина); «постоянная константа» (константа в переводе на русский язык уже означает – постоянная).

Есть ошибки и в образовании сравнительной и пре-восходной степеней прилагательных и наречий: «более лучшее» (надо или более хорошее, или лучшее), «самый сложнейший» (надо или самый сложный, или сложнейший). Встречается и банальное незнание того, что после предлога *согласно* существительное ставится в дательном падеже, т.е. *согласно решению, согласно указу* (а не *решения, указа*).

Особенности профессионального изучения литературной речи тесно связаны не только с работой над овладением орфоэпическими нормами, но и с другими аспектами специальной подготовки, относящимися к профессиональному изучению литературной речи.

Исследование профессиональной речи – одно из приоритетных направлений современной специальной лингвометодики, перспективность которой обусловливается доминированием антропологического аспекта современной лингвистики – изучением языка в неотрывной связи с самим процессом общения, с речевой личностью.

Обращение к решению этой проблемы в свете прагматики высказывания помогло более отчетливо обозначить поле индивидуального участия в речи. В речевом высказывании выделяются элементы, выбор которых обусловлен коммуникативной сферой, жанровой рамкой, внутрисистемными отношениями в языке (обязательное поле текста), и элементы, характер выбора которых зависит от индивидуальности автора речи (факультативное поле текста).

При исследовании профессионального стиля речи используется особая методика стилистического анализа, включающая разграничение обязательного и факультативного.

Формирование языковой ментальности

Профессиональный стиль речи

тивного поля определенного жанра, сравнительный анализ идентичных в жанровом и функционально-стилевом отношении высказываний.

Литературная речь

Профессиональное изучение литературной речи, ее норм выступает как внешнее проявление творческой индивидуальности, отражающее содержательные стороны профессиональной личности – профессиональное самосознание, профессиональное мышление, эффективность деятельности, индивидуальный опыт, – и занимает определенное место в системе целей и содержания профессиональной подготовки.

Изучение проблемы профессионального стиля деятельности в науке во многом связано с его развитием как неотъемлемой части мастерства. В связи с этим в качестве ведущих факторов, обеспечивающих формирование готовности личности к саморазвитию, развитию индивидуальных способностей, выдлагаются:

- становление профессиональной культуры,
- определение «инструмента» реализации индивидуально-творческих сил,
- постоянное творческое самовоспитание.

Перечисленные условия подчиняются ведущему принципу – учету индивидуальных особенностей в совокупности с накоплением профессионально направленных знаний, умений и навыков. В качестве стимулов для развития литературной речи выступают создание зоны специфики работы, ограничение сферы деятельности и активизация мотивов овладения деятельностью.

Так как установлено, что профессиональное мастерство развивается в связи с усвоением особенностей деятельности, развития индивидуально-творческой природы личности, основная задача в профессионально-риторической подготовке видится нам в создании методических условий для профессионального изучения литературной речи.

Изучению речи в аспекте специфики вербально-стилевых и интонационно-стилевых особенностей, коммуникативных качеств, средств выразительности, риторики общих мест и процедур изобретения, расположения, выражения и исполнения – процесса создания с опорой на риторический канон, диалоговой онтологии посвящены работы Н.Д. Десяевой, Н.А. Ипполитовой, Т.А. Ладыженской, А.К. Михальской, З.С. Смелковой, М.Р. Савовой, О.Г. Усановой, Л.В. Хаймович и др.

Практически во всех них отмечается зависимость выбора речевых средств от индивидуального стиля и владения литературной речью. Рассмотрение данной пробле-

Индивидуальный выбор речевых средств

мы перспективно, на наш взгляд, в аспекте разграничения общестилевых и индивидуально-стилевых черт в речевом поведении, путем сравнения речевых манер разных представителей одной профессии.

При анализе литературной речи учитывались также и особенности русского языка как учебного предмета, а именно понятия, факты, инструментальные знания, правила, закономерности, подлежащие усвоению и составляющие предмет речи, а также общеучебные и специальные умения.

Диалогизация речи

Для того чтобы сделать процесс усвоения знаний доступным, прежде всего необходимо привлечь внимание и оживить саму речевую подачу материала – *диалогизировать* речь. Этой цели служат такие приемы популяризации, как риторический вопрос, риторическое восклицание, введение вымышенной речи, цитирование, некоторые разновидности повтора. Эти средства способны придать даже монологической речи черты непосредственного диалога, они оживляют речь с точки зрения структуры.

Риторический вопрос в речи – это фигура выделения ключевых моментов речи. Он задает основное направление мысли, то, на что должны обратить внимание.

Риторическое восклицание – фигура особого эмоционального утверждения или отрицания, служащая для побуждения слушающих разделить мнение говорящего.

С помощью риторического восклицания выражается эмоциональное отношение к предмету речи, к тому, как воспринимается материал.

Введение вымышенной речи – это фигура, по структуре напоминающая предложения с прямой и косвенной речью. Говорящий в свою речь вводит речь других лиц, в том числе и собеседников.

Цитирование – это дословное приведение чьего-либо высказывания, чаще – писателя, поэта, известного деятеля науки и культуры, с целью подкрепления своей позиции, подтверждения значимости предмета речи, создания эмоционального фона общения.

В объяснительной речи цитирование служит и для расширения кругозора по теме, для установления межпредметных связей.

Повтор – речевой прием, состоящий в повторении отдельного отрезка речи с целью его выделения и, следовательно, наилучшего запоминания. Повторяются, как правило, наиболее значимые – ключевые – слова, слово сочетания, предложения.

Собственно повтор – это воспроизведение речевого отрезка в том же виде, в каком он был произнесен первоначально.

Повтор-актуализатор – воспроизведение речевого отрезка в той же лексико-синтаксической форме, но иной – более яркой – интонационной модуляции. Выделение с помощью повтора-актуализатора способствует акцентированию внимания на важном.

Повтор-модулятор – воспроизведение речевого отрезка в видоизмененной лексико-синтаксической и интонационной форме.

Сделать процесс усвоения знаний не только доступным, но и интересным, увлекательным помогают такие приемы популяризации, как *метафора, олицетворение, сравнение, аналогия*. Они влияют на содержательную сторону объяснительной речи.

Метафора и олицетворение в речи используется с целью управления пониманием. Введение новых терминов, объяснение абстрактных понятий часто сопровождается привлечением этих речевых средств. В педагогическом дискурсе они создают эффект ситуативной экспрессии, обстановку непринужденности, общей заинтересованности. Благодаря им абстрактные понятия наделяются признаками живых существ, тем самым приближая языковые явления и понятия к уровню восприятия и понимания. Например, «Беглые гласные очень капризны. Они не любят, когда слово изменяют, и демонстративно покидают его».

Метафоричность и образность создается и за счет *фразеологизмов*. Фразеологизмы – средство создания экспрессивности в речи, средство создания разговорной тональности объяснения, в этом также проявляется характер профессиональной литературной речи.

Большое значение имеет сравнение как образное средство, средство усиления изобразительности, так как выбор объекта для сравнения дает яркое представление об индивидуальности человека.

Аналогия – это речевой прием (своеобразная риторическая фигура), основанный на соотнесении научных понятий, не всегда понятных и доступных, с наглядными примерами. Основу аналогии составляет какая-то картина, эпизод, факт, событие из пережитого детьми жизненного опыта. Конкретная картина обеспечивает понимание материала.

Яркой чертой профессиональной речи является *индивидуальный интонационный стиль* – интонационная манера, в основе которой лежит выбор вариантов инто-

Метафоричность и
образность в речи

национальных единиц (интонем). Если в качестве общесистемных интонационных характеристик объяснительной речи выделяется наличие волонтативных интонем, придающих речи побудительный характер, интонемы важности, помогающей выделять главную информацию, то в качестве индивидуально-стилевых характеристик выступают индивидуальные варианты интонем важности в речи отдельного логопеда, своеобразные комбинации волонтативных, эмотивных и изобразительных интонем.

Описанные речевые средства проявления характера в речи не единственные показатели творческой индивидуальности, они были отобраны в силу наибольшей важности их для решения специальных учебных задач на занятиях по русскому языку.

Внутренняя речь

Внутренняя речь является необходимым этапом подготовки к внешней, развернутой речи. На этом этапе внутренний смысл переводится в систему развернутых синтаксически организованных речевых значений, симультанная схема «семантической записи» перекодируется в организованную структуру будущего развернутого синтаксического высказывания.

Внутренняя речь появляется относительно поздно из ранее развернутой внешней речи, на первых этапах обращенной к собеседнику, а на дальнейших этапах обращенной к самому себе. Формирование внутренней речи претерпевает ряд этапов: она возникает путем перехода внешней речи сначала во фрагментарную внешнюю, затем в шепотную речь и лишь после этого, наконец, становится речью для себя, приобретая свернутый характер.

По своему морфологическому строению внутренняя речь резко отличается от внешней: она имеет свернутый, аморфный характер, а по своей функциональной характеристике является, прежде всего, предикативным образованием. Предикативный характер внутренней речи и является основой для перевода исходного «замысла» в будущее развернутое, синтагматически построенное речевое высказывание. Внутренняя речь включает в свой состав лишь отдельные слова и их потенциальные связи. Так, если во внутренней речи есть слово «купить», то это означает, что одновременно во внутреннюю речь включены все «валентности» этого слова: «купить что-то», «купить у кого-то» и т.д.; если во внутренней речи фигурирует предикат «одолжить», это означает, что у этого предиката сохраняются и все свойственные ему связи, т.е. валентности (одолжить «у кого-то», «что-то», «кому-то» и «на какое-то время»). Именно эта сохранность потенциальных связей элементов или «узлов» пер-

вичной семантической записи, имеющихся во внутренней речи, и служит основой развернутого речевого высказывания, которое формируется на ее основе. Следовательно, свернутая внутренняя речь сохраняет возможности вновь развертываться и превращаться в синтагматически организованную внешнюю речь.

Таким образом, внутренняя речь является существенным звеном в процессе превращения исходного замысла или симультанной «семантической записи», смысл которой понятен лишь самому субъекту, в развернутую, протекающую во времени, синтагматически построенную систему значений...

Развернутое
речевое высказы-
вание

Особенностью развернутого речевого высказывания является то, что, с одной стороны, оно включено в процесс живого общения и передачи информации от одного лица другому, а с другой – в его состав входит не одно предложение, а целая цепь взаимно связанных предложений. Высказывание составляет единую целостную систему и обладает качеством единой замкнутой структуры.

В процессе высказывания как «тема» (то, о чем будет идти речь), так и «рема» (что именно это высказывание будет сообщать) должны быть существенно *расширены*, т. е. должны быть разделены на цепь звеньев *определенной программы* целостного высказывания. Для этого необходимо, чтобы как «тема» высказывания, так и ее «рема» сохранялись на длительный срок и чтобы *установка*, созданная задачей передать соответствующую информацию, могла в течение длительного времени противостоять побочным, отвлекающим влияниям. В противном случае связное развернутое высказывание теряло бы характер «замкнутой смысловой системы» и превращалось бы в систему, доступную различным посторонним влияниям.

Все это дает основание рассматривать речевое высказывание как сложную *форму речевой деятельности*, которая имеет принципиально ту же психологическую структуру, как и всякая иная *форма психической деятельности*, детально изученная в нашей психологии (А.Н. Леонтьев и др.) [1].

Оперативная
память и система
«стратегий»

Существенной особенностью порождения речевого высказывания как специальной формы речевой деятельности помимо устойчивой формулировки цели высказывания и той конкретной задачи, которая стоит перед говорящим (эта задача может меняться в зависимости от того, какая ситуация порождает высказывание, какую именно информацию должен передать говорящий и к

кому именно адресовано сообщение), является также достаточно широкий объем *оперативной памяти* и сложная система «стратегий», применение которой позволяет выделять существующий смысл высказывания, тормозить побочные ассоциации и выбирать речевые формулировки, соответствующие поставленной задаче.

Все это предполагает, что порождение развернутого речевого высказывания должно включать в свой состав не только создание исходной схемы, определяющей последовательность звеньев этого высказывания, но и постоянный контроль за протеканием всплывающих компонентов высказывания, а в наиболее сложных случаях и сознательный выбор нужных речевых компонентов из многих альтернатив.

Язык и дискурсивное мышление

Слово и предложение как основные формы языка являются не только способом отражения действительности и выражения мысли в речевом виде. Овладение системой языка обеспечивает тот скачок от чувственного познания к рациональному, который является едва ли не самым существенным событием в эволюции психической жизни.

Однако язык играет и еще одну очень существенную роль, выходящую за пределы организации восприятия и обеспечения коммуникаций. Наличие языка и его сложных логико-грамматических структур позволяет человеку делать выводы на основе логических рассуждений, не обращаясь каждый раз к своему непосредственному чувственному опыту. Наличие языка позволяет человеку осуществить *операцию вывода*, не опираясь на непосредственные впечатления и ограничиваясь лишь теми средствами, которыми располагает сам язык. Это свойство языка создает возможность сложнейших форм дискурсивного (индуктивного и дедуктивного) мышления, которые являются основными формами продуктивной интеллектуальной деятельности человека.

Основа логического мышления

Сложившийся в течение многих тысяч лет общественной истории аппарат *логического сочетания нескольких высказываний* образует основную систему средств, лежащих в основе логического мышления человека. Моделью логического мышления, осуществляющегося с помощью речи, может являться *силлогизм* (умозаключение, состоящее из двух суждений (посылок), из которых следует третье суждение (вывод)).

В типичном силлогизме имеются две исходные посылки, т.е. два отдельных суждения, которые, однако, связаны друг с другом не только прямой последовательностью, но гораздо более глубокими логическими отношениями.

В наиболее простой форме силлогизма первая (большая) посылка заключает в себе известное общее суждение (суждение, имеющее всеобщий характер). Вторая (малая) посылка указывает, что данный объект относится именно к той категории, которая была сформулирована в большой посылке. В результате сочетания большой и малой посылок формулируется вывод, который делается на основании общего правила, что те закономерности, которые справедливы по отношению ко всей категории объектов, должны распространяться на все объекты, которые относятся к этой категории. Возьмем самый обычный тривиальный силлогизм:

Драгоценные металлы не ржавеют.

Платина – драгоценный металл.

Следовательно, платина не ржавеет.

Таким образом, силлогизм как аппарат логического мышления, образованный в процессе общественной истории, позволяет сделать вывод только из этой данной системы логических связей, не опираясь ни на какие дополнительные материалы наглядного опыта.

Силлогизм представляет собой лишь один из сложных исторически сложившихся *вербально-логических аппаратов логического мышления*.

Логическое мышление человека обладает многообразными кодами или логическими матрицами, являющимися аппаратами для логического вывода и позволяющими получить новые знания не эмпирическим, а рациональным путем. Оно дает возможность вывести необходимые системы следствий как из отдельных наблюдений, которые с помощью языка включаются в соответствующую систему обобщений, так и из общих положений, которые формулируют общечеловеческий опыт в системе языка.

Итак, язык не только позволяет глубже проникать в явления действительности, в отношения между вещами, действиями и качествами. Язык не только располагает системой синтаксических конструкций, которые дают возможность сформулировать мысль, выразить суждение. Язык располагает более сложными образованиями, которые дают основу для теоретического мышления и которые позволяют человеку выйти за пределы непосредственного опыта и делать выводы отвлеченным вербально-логическим путем. К числу аппаратов логического мышления относятся и те логические структуры, моделью которых является силлогизм.

Переход к сложным формам общественной деятельности дает возможность овладеть теми средствами язы-

Коды и логические матрицы

Язык как основа теоретического мышления

ка, которые лежат в основе наиболее высокого уровня познания – теоретического мышления. Этот переход от чувственного к рациональному и составляет основную черту сознательной деятельности человека, являющейся продуктом общественно-исторического развития.

Психика человека формируется как своего рода единство физиологических предпосылок и знаковых, внечеловеческих, социальных средств. Лишь усваивая эти средства, присваивая их, делая их частью своей личности и своей деятельности, человек становится самим собой, становится человеком; лишь как часть человеческой деятельности, как орудие психологического субъекта – человека – эти средства, и прежде всего язык, проявляют свою сущность.

Таким образом, учитывая данные смежных наук и научных направлений – лингвистики, психолингвистики, речеведения, психологии, педагогики, лингводидактики, риторики, а также практики исследования стилистики речи, можно определить уровень развития языкового менталитета личности (М.Т. Баранов, А.Д. Дейкина, Н.А. Ипполитова, Т.А. Ладыженская, С.А. Леонов, М.Р. Львов, В.С. Мухина, Н.В. Колокольцев и др.).

Владея нормой, т.е. умевая правильно выбирать и употреблять средства языка в зависимости от целей и условий речи, носитель литературного языка может позволять себе сознательные отступления от принятой нормы, языковую игру. Этим человек обращает внимание на предмет речи, или передает свое отношение к нему, или обнаруживает перед слушателями свое эмоциональное состояние, свою социальную позицию и т.д. Если отступление от нормы оправдано какой-либо из подобных целей, то перед нами не ошибка, а речевой прием, свидетельствующий о свободе, с которой человек общается с языком, о его языковом вкусе. (Ошибка же возникает в случае неосознанного, автоматического употребления неправильной формы или нелитературного слова.)

Нормы не оковы языка, а великое благо: они сохраняют литературный язык, тонко разграничивают его средства в зависимости от целей общения.

Кроме литературного языка, существуют диалекты, просторечие, социальные и профессиональные жаргоны. Есть ли норма и в них? Ведь люди, говорящие, например, на северном «окающем» диалекте, используют его также в соответствии с неким установившимся порядком, в согласии с многовековой традицией.

Отличие нормы литературного языка от нормы диалекта в том, что литературная норма сознательно куль-

Языковая норма

Нормы не оковы,
а благо языка

Норма литературного языка и
норма диалекта

тивируется: ее пропагандируют в книгах, по радио и телевидению (хотя в последние годы, к сожалению, это делается весьма неудовлетворительно), ей обучаются в школе, всякое культурное общение людей происходит в строгом соответствии с нормами литературного языка. В диалектах (а тем более в просторечии и жаргонах) этого нет: есть традиции использования диалектных средств, но никто и не думает оберегать диалект от каких-либо влияний, культивировать диалектную речь.

Так мы приходим к выводу, что норма литературного языка – это не только объективно существующая традиция использования языковых средств, но и результат сознательного сохранения этой традиции.

Понятие культуры языка шире, объемнее понятий культуры речи и литературной нормы. Культура языка – это его законы, его средства, его система, используемые образованной частью общества в благих целях, это то, что передается от поколения к поколению как бесценное общественное достояние. А.М. Пешковский справедливо писал: «Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. Слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам. Консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы» [2].

А.М. Пешковский считал, что человек должен «активной проповедью» вмешиваться в языковую жизнь общества, в практику школьного лингвистического образования. Сам он разъяснял, что только сознательное владение грамматикой делает человека по-настоящему грамотным, помогает ему культурно и ясно говорить. Он обращал внимание на огромную социальную значимость языковой культуры: «Умение говорить – это то смазочное масло, которое необходимо для всякой культурно-государственной машины и без которого она просто остановилась бы» [3]. Но, к сожалению, еще не все уроки Пешковского усвоены нами...

Что касается вкуса, то это – способность к оценке, понимание правильного и красивого; это пристрастия и склонности, которые определяют культуру человека в мысли и труде, в поведении, в том числе речевом. Под вкусом можно понимать систему идейных, психологических, эстетических и иных установок человека или общественной группы в отношении языка и речи на этом языке. Эти установки определяют то или иное целостное отношение человека к языку, способность интуитивно оценить правильность, уместность, эстетичность речевого выражения...

Культура языка и культура речи

Языковой вкус и чутъе языка

Вкус – сложный сплав социальных требований и оценок, а также индивидуальности носителя языка, его художественных задатков, воспитания, образованности (отчего и фраза «О вкусах не спорят»). Однако и эта индивидуальность формируется в ходе усвоения общественных знаний, норм, правил, традиций...

Важнейшее условие вкуса – социальное по природе, усваиваемое каждым носителем языка так называемое чутъе языка, являющееся результатом речевого и общесоциального опыта, усвоения знаний языка и знаний о языке...

Идеал пользования языком соответственно характеру эпохи

Таким образом, вкус – это, в сущности, меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи. Вкус нередко теряет историческую обоснованность и следует конъюнктурным, случайным устремлениям. Он становится тогда дурным вкусом. Он теряет тогда далее природно опосредованную связь с мыслительно-содержательным аспектом общения и с естественными эстетическими ограничительными рамками. Иными словами, вкус предстает крайностями моды. Речь в этом случае выходит из диапазона между «недостижимым идеалом» и «еще не ошибкой», теряет оценочно-вкусовые качества «хорошей речи» [4].

Мы обязаны воспитывать в себе языковой вкус

Слово и его использование в речи предполагает языковой вкус. Поэтому, чтобы не вредить культуре и языку, культуре речи, мы обязаны воспитывать в себе хороший языковой вкус и, воспитывая и обучая других, бедречь язык.

В целом наше повседневное бытовое общение, современная художественная литература, средства массовой информации, особенно телевидение, уровень образования, культуры воспитания являются источниками формирования языковой ментальности гражданина.

Языковой менталитет личности базируется не только на уровне индивидуального культурного и духовно-нравственного развития, но и на сознательном стремлении индивида к универсальному «таланту» найти свое место в любых типичных условиях – бытового и делового – речевого общения.

1. Леонтьев А.Н. Психологические исследования. М., 1959. С. 215; Практикум по психологии. М., 1975. С. 157.

2. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точки зрения на язык. М., 1966. С. 114.

3. Там же.

4. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.

